

УДК 323.174

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.53

О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии)

© **Федоров Павел Викторович**, доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории геокультурных исследований и разработок. E-mail: sever-nordica@yandex.ru

Международный банковский институт, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Статья посвящена истории становления границы Российского государства в Лапландии. Автор показывает, что существующие в историографии позиции взаимоисключают друг друга. Решение этого вопроса обнаруживается на другом методологическом основании, связанном с возникновением и

падением системы двоеданничества аборигенных жителей — лопарей (саамов). Данный подход иллюстрируется на основе традиционных методов анализа источников, в том числе древних грамот московских и датских правителей из археографического собрания Ю.Н. Щербачева.

Ключевые слова: *фронтир, лопари, Россия, Москва, Новгород, Норвегия, Дания, Швеция, демаркация, лапландский вопрос, граница*

About the appearance of the Russian border in Lapland (some of the results of the discussion)

© **Pavel V. Fedorov**, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Laboratory of geo-cultural researches and projects. E-mail: sever-nordica@yandex.ru

International Banking Institute, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article deals with the emergence of the Russian state border in Lapland. The author shows that the existing ideas in the historiography negate each other, and offers a solution to this issue on the basis of another method connected with the rise and fall of the system of double tribute of indigenous peoples — the Lapps (Saami). The approach is illustrated on the basis of traditional methods of analysis of sources, including ancient acts of Moscow and Danish rulers from the archaeographic collection of Y.N. Sherbachev.

Keywords: *frontier, Lapps, Russia, Moscow, Novgorod, Norway, Denmark, Sweden, demarcation, Lapland problem, border*

В современном общественно-политическом дискурсе присутствует отношение к Арктике как к региону будущего, на территории которого наряду с активным освоением продолжится и процесс образования новых границ. Учитывая сложность и опасность любых переделов для сохранения стабильной обстановки в мире, важно понимать: сиюминутная конъюнктура не должна игнорировать многовековой исторический опыт. Однако проблема состоит в том, что связанные с арктическим пограничьем некоторые исторические сюжеты не только не известны широкой аудитории, но даже ещё порой не прояснены и не осмыслены в самой науке. Один из ярких примеров — вопрос о появлении русского рубежа в Лапландии, который вызывал у историков по обе стороны границы разные, порой противоположные позиции, что чревато появлением спекуляций или даже фальсификаций в будущем.

На общее отношение отечественной историографии к лапландской проблеме повлияла идея И.П. Шаскольского о том, что разграничение владений в Лапландии произошло на основании русско-норвежского договора 1326 г. [1, с. 47, 54]. Согласившись с ней, И.Ф. Ушаков сформулировал точку зрения, согласно которой Кольский Север вместе с другими новгородскими владениями перешёл под власть Москвы одновременно, в 1478 г. [2, т. 1, с. 43] Представление о том, что историческая задача по закреплению Кольской земли за Российским государством была уже решена, как раз и позволяла исследователям относиться к «лапландскому спору» XVI–XVII вв. как к заурядному для того времени территориальному притязанию зарубежной державы на русские владения. Вместе с тем, и для И.П. Шаскольского, и для И.Ф. Ушакова неразрешённой оставалась проблема интерпретации двоеданничества лопарей, проживавших на территории Кольского Севера и Финмарка («общий округ» в Лапландии). Возможно, поэтому в одной из последних своих работ И.П. Шаскольский (совместно с В.Е. Возгриным и Т.А. Шрадер) был вынужден объяснять сосуществование русского статуса Кольского Севера и двоеданничества лопарей тем, что якобы «здесь уплата дани не совпадала с подданством» [3, с. 126]. Соответствующая оговорка обнаруживается и у И.Ф. Ушакова, который, называя Кольский Север владением Великого Новгорода, в то же время считал, что рубежная полоса, установленная по договору 1326 г., разделяла не владения, а «сферы преобладающих интересов» [2, т. 1, с. 36–37].

Параллельно с этим в литературе высказывались отдельные мнения, в которых принадлежность Кольского Севера к русским владениям и сохранение двоеданничества лопарей воспринимались в качестве взаимоисключающих. Так, например, Н.Н. Волков считал, что «систематическое распространение» на саамов «сфер влияния» относится к XV в., притом что в приграничных районах «неопределённость границы... вызывает споры за право взимания дани и распоряжения их угодьями» вплоть до первой четверти XIX в. [4, с. 92]. Весьма похожая позиция у Н.В. Устюгова, писавшего, что «в XVII в. Кольский полуостров являлся спорной землёй, которую и Русское государство и Дания считали своей», поскольку «саамы были обложены двойной данью» [5, с. 773].

Подход И.П. Шаскольского критикуют представители зарубежной историографии. В частности, датский историк Дж. Х. Линд отказывается признавать существование «древнего рубежа» между норвежскими и новгородскими владениями, утверждая, что территория Финмарка и Кольского полуострова «однозначно понималась как огромная единая общность». Упомянувшиеся в договоре 1326 г. «древние рубежи», по его мнению, — это внешние границы общего округа по сбору дани с лопарей, отделявшие его, с одной стороны, от

норвежских, а с другой стороны, от новгородских владений. Дж. Х. Линд предположил, что поскольку демаркация границы произошла только в 1826 г., до этого времени территории «русского и норвежского оседлого населения» оставались неразделёнными [6, с. 141–143]

Итак, имеющиеся разные точки зрения сводятся к двум противоположным позициям: одна из них связывает появление русского рубежа в Лапландии с древнерусским периодом (1326 г.), другая — с Новым временем (1826 г.). Следует заметить, что историография лапландской проблемы не успела оценить достижений источниковедения. Массив хранящихся в Копенгагенском архиве российских и датских источников XVI–XVII вв., освещающих «лапландский спор», в 1893–1897 гг. выявил и опубликовал Ю.Н. Щербачев¹. Несколько ранее К.Н. Бестужев-Рюмин издал «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (с 1581 по 1604 год)», в которые вошла небезыntenесная переписка Ивана IV и Елизаветы I, касающаяся статуса земель в Лапландии². Никто из историков, занимавшихся лапландской проблемой, не подвергал эти опубликованные материалы скрупулёзному разбору. При этом не менее важно обратить внимание на саму методологию проблемы, раз в ней становится возможным такой контрастный разброс позиций. Не отрицая, конечно, потребности в более основательном и тщательном обращении к этой теме с учетом проработки источниковой базы, автор настоящей статьи задался более общим и в чём-то предварительным вопросом: можно ли методологически найти выход из того теоретического тупика, в котором оказалась историография?

Предыстория вопроса

Первоначально необходимо сделать экскурс в историю проблемы, корни которой берут своё начало в новгородскую эпоху. Долгое время обширные пространства за Северным полярным кругом, занимавшие Кольский и часть Скандинавского полуостровов, оставались ничейной землей (*terra nullius*). Здесь обитали немногочисленные племена лопарей (современное название народа — саамы), находившиеся на стадии родовых отношений. Население этой территории не создало собственной государственности и поэтому было обречено на подчинение более сильным социальным структурам извне. Первыми с территорией Лапландии познакомились скандинавы, жившие в северной части раздробленной тогда Норвегии — в области Халогаланд. Выходец из этих мест, мореход Оттер, в IX в. совершивший пла-

¹ Щербачев Ю.Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене // Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1893. Кн.1. (164). Отд.1 (далее — *Датский архив*); Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т.XVI (далее — *Русские акты*).

² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (с 1581 по 1604 год) / Под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1883. Т.38. С.8–10.

вание вокруг Кольского полуострова, сообщал о нём следующее: «Вся эта страна пустынна, и только в немногих местах живут терфинны³, которые занимаются охотой, рыболовством и ловлей птиц» [7, Тиандер К., с. 56]. Большое значение в хозяйстве жителей Халогаланда играла меновая торговля. Особый интерес для торговцев представляли меха, которые можно было с успехом продавать на рынках Европы. Поскольку лопари были отличными охотниками, очевидная экономическая полезность контактов предприимчивой вооружённой элиты Северной Норвегии (хёвдинги) с аборигенами европейского Заполярья постепенно привела к обложению последних данью⁴.

В то же время аналогичное продвижение в направлении Кольского полуострова начинается и из древнерусского Новгорода. Побудительными мотивами его выступает всё та же торговля. Е.А. Рыбина отмечает, что «Новгород осуществлял связи между Русью, Западной Европой, Византией и мусульманским Востоком» [8, с. 4]. Новгородский рынок, как и в северной Норвегии, был тоже посредническим, и поэтому он постоянно нуждался в привозе новых товаров. Новгородские бояре организуют на Север экспедиции для заготовки пушнины, рыбы, сала, моржового клыка. В XI в. новгородцы достигли Белого моря, а спустя столетие проникли на Кольский полуостров. Как и у скандинавов, вместе с торговцами и промышленниками сюда явились и представители новгородской власти (по словам летописца, «терский данник»), не позднее 1216 г. обложившие лопарей данью⁵. Продвижение новгородцев вглубь Лапландии, на запад, неминуемо столкнуло их со скандинавами (на Руси их называли «мурманами»). Так в отношениях между Новгородом и Норвегией возник лапландский вопрос.

Первая попытка его разрешения, предпринятая Новгородом и Норвегией, привела к компромиссу, который выразался не только в установлении для обеих сторон строго определенного размера дани (не более пяти беличьих шкурок с каждого лопаря-охотника), но и, по сути, к созданию общего норвежско-новгородского округа, включающего Финмарк и Кольский Север. Все лопари, проживавшие на этой территории, отныне платили дань сразу двум государствам: Норвегии и Новгороду. Эти условия были зафиксированы в русско-норвежском договоре, дошедшем до нас в виде Рунной (Разграничительной) грамоты, не имеющей даты создания. Исследователи выдвигали различные датировки Рунной грамоты. Так, П.Г. Бутков относил время её создания к рубежу IX–X вв., Н.М. Карамзин — к рубежу X–XI

³ Под «терфиннами» Оттер имел в виду лопарей Кольского полуострова. Северный берег Белого моря до сих пор зовется «Терским» [29, Шаскольский И.П.].

⁴ Соседи на Крайнем Севере: Россия и Норвегия: От первых контактов до Баренцева сотрудничества / Авторы-сост. А.А. Киселев, В.А. Карелин и др. Мурманск, 2001. С.24.

⁵ Новгородская первая летопись. М.-Л., 1950. С.57.

вв, И.П. Шаскольский — к 1251 г., П. Мунк — к 1326 г., А. Шлецер — к XV в. [1, Шаскольский И.П., с. 38–61]. Большие пространства вдоль берегов северных рек, по южному и западному побережью Белого моря, войдя в состав владений Великого Новгорода, стали своего рода плацдармом русской государственности для последующего рывка в Заполярье и Арктику. В отличие от уже поделенного и конфликтующего Юга, Север в то время представлял собой ещё сравнительно спокойную область и направление наименьшего сопротивления. Однако со временем, по мере приближения к Ледовитому океану, русской колонизации предстояло встретиться не только с нарастающим сопротивлением природной среды, но и с западным миром, который континентальными и морскими путями тоже проникал в северные широты.

Двоеданничество в Лапландии вызывалось нехваткой сил у обеих сторон разрешить вопрос в свою пользу: ведь ни норвежских, ни новгородских постоянных поселений на территории округа долгое время не существовало, силы конкурентов были примерно равны. Попытка нарушить равновесие была предпринята в начале XIV в., когда особенно усилился новгородский натиск на принорвежские земли и русские вместе с карелами и саамами совершали постоянные набеги на Финмарк. В 1323 г. такой объединённый отряд, проникнув на судах в Халогаланд, сжёг Бьаркэй, поместье правителя Норвегии Эрлинга сына Видкуна [1, Шаскольский И.П., с. 40]. Норвежские власти, не желая терять своего географически оправданного присутствия в западной части округа, предприняли ответные меры. С одной стороны, здесь было сооружено военное укрепление Вардехус (русские его называли «Варгав»), а с другой стороны, церковь развернула свою деятельность по приобщению лопарей-язычников к католичеству⁶.

В 1326 г. между Новгородом и Норвегией был заключён новый договор, который свидетельствует о перемене новгородской политики. Новгород, не претендуя больше на Финмарк, соглашается на сохранение статус-кво с восстановлением «старых» («древних») границ округа. Восстановленный компромисс время от времени продолжал нарушаться из-за отдельных конфликтов. Так, например, летопись зафиксировала нападение «мурман» на Корельский погост на Варзуге в 1419 г.⁷ В преданиях дошли свидетельства о деятельности на Мурманском побережье новгородского наместника Валита, защищавшего эти земли от набегов скандинавов предположительно во второй половине XV в. [2, Ушаков И.Ф, т.3, с. 281–288; 9, Попов А.И., с. 133–135]. Реальность существования этого человека доказывается тем, что с его именем связывается создание крепости — «Валитова городища», которое, по

⁶ Соседи на Крайнем Севере... С. 39, 184.

⁷ Новгородская первая летопись... С.411–412.

«Книге Большому Чертежу», находилось на острове близ берега, между устьями рек Ворьемой и Роденгой, что на Западном Мурмане⁸. С возведением в Лапландии первой норвежской и первой новгородской крепостей, каждая из которых обозначала сферу влияния своей страны, начался процесс кристаллизации лапландского рубежа, призванного превратить полусвободные земли во владения. Рано или поздно этот рубеж должен был проявить себя где-нибудь в промежутке между Вардехусом и Ворьемой.

Данничество и государственные суверенитеты

На протяжении XIV–XV вв. и в Скандинавии, и на Русской равнине происходили сложные политические процессы, в ходе которых Норвегия вошла в состав Датского государства, а Новгородская земля — в состав Московского княжества. Соответственно, сменились и владельцы общего округа взимания дани с лопарей: из новгородско-норвежского округ превратился в русско-датский. Общее русско-датское пространство, где собиралась двойная дань с лопарей, охватывало практически весь Кольский полуостров и Финмарк, которые на севере Лапландии соединялись через узкую прибрежную полосу. Территория между озером Инари и морским побережьем являлась своего рода открытым коридором для миграции в обе стороны сборщиков дани Датского и Русского государств. Судьба этого коридора решалась в XVI–XVII вв. Спецификой данного пространства стало отсутствие в нём обычных государственных границ. Граница с точки зрения своего функционального предназначения призвана что-нибудь «охранять». Государственная граница «охраняет» владения. Пространства Лапландии, если и нуждались в разграничении, то в первую очередь с целью дифференциации податных районов отдельных государств. Но поскольку потребности в этом не было, само существование государственной границы на слабозаселённой территории с однородным этническим составом едва ли представлялось необходимым. Следовательно, говорить о разграничении владений в Лапландии до создания государствами в этом регионе отдельных податных районов невозможно. Неправомерной представляется попытка Е.В. Сыченковой определить общий норвежско-новгородский округ взимания дани в Лапландии как кондоминиум [10, с. 52]. Ведь последний предусматривает не только общее владение, но и совместное управление территорией двумя или более государствами [11, Бабурин С.Н., с. 51–53]. Лапландский же опыт совместного сбора дани не обеспечивал совместного управления, напротив, он сопровождался конкуренцией между владельцами округа, которая со временем привела к разделу зон влияния, фактическому распаду округа на две части — западную и восточную.

---

⁸ Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 148.

Стремление примирить двоеданничество лопарей с отнесением Кольского Севера к государственным владениям Русского государства теряет силу при анализе политической ориентации жившего в его пределах аборигенного населения. Среди лопарей Кольского Севера не существовало единой позиции по определению своей юрисдикции. Это видно по тому, какого адресата лопари выбирали для отправки жалоб в связи с притеснениями, чинимыми сборщиками дани; кого считали легитимной инстанцией для разрешения спорной ситуации.

В 1595 г. по восточной Лапландии прокатилась волна возмущений из-за действий датского поданного Иосифа Мортенсона. Тогда как пазрецкие лопари направили свою челобитную русскому царю Федору Ивановичу, кильдинские, нотозерские и масельские лопари — датскому королю Христиану IV⁹. Вместе с тем этот факт едва ли может свидетельствовать о существовании строгого разделения территории Кольского Севера на датскую и московскую зоны. Отсутствие постоянного рубежа на севере Лапландии сообщало всем возникающим образам границы известную подвижность, что, по наблюдению современных исследователей, оказывается неизбежной данностью в процессе превращения фронта в пограничную зону. В частности, как замечает И.В. Зеленева, подвижные границы порождали «пространственную размытость геополитического самосознания населения» [16, с. 79–83].

Ещё сложнее должна была выглядеть ситуация в том месте, где русско-датский округ упирался в территорию, где дань с лопарей собиралась совместно Русью и Швецией. Своеобразная «буферная зона», отделявшая русско-датскую от русско-шведской Лапландии, начиналась примерно в 100 километрах к югу от морского берега, у озера Инари. Жившие в Инарском («Инадрьском») погосте лопари были троеданными: платили дань сразу трём государствам: Дании, Швеции и Русскому государству¹⁰. Соприкосновение двух различных податных зон, с участием соперничающих между собой Дании и Швеции, заложило основания для появления некоего рубежа, который в русских источниках именовался «свицким»¹¹. Время появления этого рубежа, очевидно, восходит к Ореховецкому договору 1323 г. [6, Линд Дж. Х., с. 135]. При отсутствии строгой демаркационной полосы, попытки уточнения и корректировки его продолжались вплоть до конца XVIII в., но после присоединения Финляндии к России в 1809 г. этот рубеж потерял статус государственной границы¹². В любом случае сложившаяся в Лапландии практика сбора дани не позволяет определить подданство лопарей

⁹ Русские акты. Ст. 285–292

¹⁰ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. Л., 1930. С. 59.

¹¹ Там же.

¹² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф.1. Оп.2. Т.1а. Д.212. Л.7; Ф.1367. Оп.2. Д.1165. Л.1.

рей однозначно, что делает сомнительным отнесение территории Кольского полуострова к безраздельному владению одной из стран, равно как и стремление представить вхождение Кольского Заполярья в состав Московского государства в числе других новгородских владений сразу же после потери Новгородом своей самостоятельности. Позиция И.П. Шаскольского и И.Ф. Ушакова, относивших появление русского рубежа в Лапландии к древнерусскому периоду, таким образом, не может быть принята без критики.

Кольский Север, как и всю Лапландию, до начала XVII в., по-видимому, следует отнести к территориям с неопределившимся статусом [11, Бабурин С.Н., с. 294]. Лапландия представляла собой *фронтир*, под которым в современной литературе понимается обособленная политико-географическая область, замыкающая пространство заселённой или освоенной территории и находящаяся вне объединённого пространства политического образования [12, Зеленева И. В., с. 80]. Неосвоенные земли на юге, востоке и севере были тем раздражителем, который постоянно стимулировал территориальный рост Российского государства, способствовал его превращению в державу. События, происходившие вокруг Лапландии в XVI–XVII вв., ещё не рассматривались в контексте определения статуса политики Москвы.

Вместе с тем есть все основания рассматривать её в качестве *стратегии* закрепления Кольского полуострова за Московским государством. В лапландской проблеме своеобразно отразились процессы территориального роста Московского государства, оформления его периметра, усиления мощи и амбиций центральной власти, постоянной потребности в обороне и безопасности. Ещё до подчинения себе Новгорода московские князья, посылавшие на Кольский полуостров «ватаги» за ловчими птицами для княжеской охоты, считали Терскую сторону сферой своего влияния, требуя, чтобы новгородцы туда не ходили [13, Платонов С.Ф., с. 1]. После присоединения Новгорода Крайний Север всё больше входил в орбиту московской политики. Уже в конце XV в. северные морские коммуникации были впервые использованы центром в качестве альтернативы балтийским. В 1494 г. русский дипломат Дмитрий Зайцев, возвращаясь из Дании, впервые прошёл морем вокруг Скандинавии через Белое море к устью Северной Двины. Власий (Влас Игнатов, Игнатъев) переводчик с латыни и немецкого языка, сопровождал одно из русских посольств к датскому королю морским путём вокруг Скандинавии в 1493–1494, 1499–1500 гг. [14, Лукин Ю.Ф., с. 234]. В 1496 г. московский дипломат Григорий Истома был послан Иваном III в Данию для переговоров. Поскольку происходившая в тот момент на берегах Финского залива русско-шведская война делала более короткий и традиционный маршрут через Балтийское море небезопасным, он выбрал для своего путешествия круговой путь через Север. Вначале Г. Истома добрался до устья Се-

верной Двины, откуда на корабле по Белому, Баренцеву и Норвежскому морям, обогнув Кольский и Скандинавский полуострова, дошел до Тронхейма, далее его путешествие было продолжено по суше [15, Шаскольский И.П.]

Если проанализировать все известные и введенные в оборот источники, характеризующие политику Московского государства по отношению к Лапландии вплоть до падения двоеданничества [16, Федоров П.В., с. 457–463], можно ли представить лапландскую стратегию как процесс, подверженный изменениям? Какая периодизация здесь возможна?

Первый этап: начало освоения (1517–1573 гг.)

В рамках *первого этапа* (1517–1573 гг.) московские власти пытались добиться эффекта от налаживания конструктивного сотрудничества с лопарями. Ещё в 1517 г. Василий III предупреждал русских сборщиков дани о недопустимости произвола в Лапландии [3, Возгрин В.Е., с. 134]. В 1526 г. Василий III поручил новгородскому архиепископу Макарию отправить на Крайний Север священнослужителей для совершения обряда православного крещения лопарей¹³. Этому предшествовала большая миссионерская работа. В Лапландии проповедникам православия (Трифону, Феодориту и др.) открывалось широкое поле деятельности, но в пределах Кольского Севера, поскольку лопари, жившие в Финмарке, в своё время уже подверглись влиянию католичества. Сама церковь в Норвегии, однако, тогда переживала упадок, вызванный реформацией¹⁴, и это избавило православие от западного конкурента. Деятельность православных миссионеров в восточной части русско-датского округа, в целом, увенчалась успехом также благодаря выбранной ими гибкой тактике.

Действовавший вблизи рек Колы и Туломы Феодорит, относясь к числу так называемых «нестяжателей», сделал ставку на изучение саамского языка, переводы Библии. Правда, предложенная им модель монастыря не претендовала на хозяйственное освоение края. Оказавшись материально слабым, монастырь Феодорита распался, и его монахи ушли на реку Печенгу, к Трифону. Трифон же, напротив, следуя иосифлянкой тактике, строил свою миссионерскую деятельность при помощи «бесед о куплях» и вовлечения лопарей в торгово-экономические отношения. Поэтому, в отличие от Феодорита, он при помощи своих учеников занимался укрупнением своей обители: приобретал земли, развив хозяйство, получив при этом поддержку Ивана Грозного [2, Ушаков И.Ф., т. 1, с. 58–60; т. 2, с. 211–214, 296–300]. Основание Печенгского монастыря в середине XVI в. имело большое значение для утверждения православия и русской государственности в наиболее спорном, северо-западном

¹³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.6. С. 289.

¹⁴ Соседи на Крайнем Севере... С.62–63.

районе Кольского Севера, непосредственно граничащем с Финмарком. Одним из важнейших последствий создания местных монастырей — Кандалакшского, Печенгского и др. — стало русское монастырское землевладение¹⁵. Учитывая, что лопари по-прежнему платили двойную дань, эта мера ярко свидетельствовала о нежелании Москвы сохранять округ совместного владения и учитывать интересы его совладелицы Дании. Монастырские вотчины, по-видимому, были призваны временно подменять несуществующие на необжитых землях структуры управления Московского государства.

Мероприятия Москвы были подкреплены русской колонизацией, достигшей в этот период Мурманского побережья. Позиции Русского государства в этих удалённых районах начинают институционализироваться в возникшей промысловой и торговой деятельности. Это привело не только к появлению сезонных русских становищ на берегу, но и к возникновению международного торгового с иностранцами. Последний имел для Российского государства большое значение в силу того, что страна в то время не имела удобного порта для международной торговли. И этим портом в 1570–80-е гг. становится Кола, находящаяся вблизи Мурманского побережья [17, Шаскольский И.П.]. На торг ежегодно собирались купцы из западноевропейских стран, внутренних районов России и местные жители. Возросшее торговое значение Колы стимулировало её рост: если в 1565 г. она имела всего 3 крестьянских двора, в 1574 г. — 44, то к началу 80-х гг. XVI в. — уже 71 двор [2, Ушаков И.Ф., т. 1, с. 74-79].

Второй этап: идентификация (1573–1583 гг.)

Предшествующие успехи позволили московским властям уже на *втором этапе* (1573–1583 гг.) проводить в отношении Лапландии более жёсткую политику, что, прежде всего, выразилось в оформлении и провозглашении российским центром позиции о своих владельческих правах на Мурман. В июле 1582 г. в ответном послании к английской королеве Елизавете I, отвечая на её вопрос: «Те волости под его ли областью или не под его?», Иван Грозный категорично называет Колу и Печенгу своими «искони вечными вотчинными землями». Обращая внимание на то, что Дания угрожает безопасности и английских купцов, торгующих на Севере, он безуспешно просит у Елизаветы военной помощи кораблями¹⁶. В июле 1582 г. Иван IV в послании к Фредерику II заявил о своей позиции довольно жёстко: если «впредь к нашим морским пристанищам в Колу и к Колмогорам приходит твои люди разбойным обычаем и гостей неметских учнут грабити», то «ты с нами докончанье и крест-

¹⁵ Жалованная грамота Ивана IV Кандалакшскому монастырю от 1554 г. // Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т.2. № 170. С.689–690; Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1929. Т.II. № 136.

¹⁶ Памятники дипломатических отношений Московского государства с Англией (с 1581 по 1604 год) / Под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1883. Т.38. С.8–10.

ное целованье порушишь, и нам за то стояти и свои пристани морские оберегати»¹⁷. В 1573 г. правительство для проведения учёта населения послало на Кольский Север писца Василия Агалина, итогом чего стала подготовленная им писцовая книга¹⁸. Приезд В. Агалина П.А. Садиков вполне обоснованно связывал с «лапландским спором», приводя в подтверждение записки голландского купца Симона ван Салингена [18, с. 205]. Иностранец сообщал, что в 1573 г. в Лапландию прибыли «русские бояре или послы» «для расследования местных условий и установления границы с королевством Норвежским», которые и «обревизовали Лапландию», положив рубежом Паз-реку [19, Филиппов А.М., с. 303]. Эти меры, впрочем, не привели к урегулированию проблемы, став лишь начальным звеном в длинной цепи пограничных переговоров. Москва продолжила развивать монастырское землевладение. Центр практикует передачу земельных владений на Кольском Севере крупным и известным монастырям, находящимся за многие сотни километров отсюда: например, Троице-Сергиеву и Кирилло-Белозерскому¹⁹. Земельные владения иногда жаловались вместе с лопарями. Так, например, в 1581 г. царской жалованной грамотой лопари Печенгского и Мотовского погостов были отданы во владение Печенгскому монастырю [2, Ушаков И.Ф., т.1., с. 61].

Активизацию московского присутствия в восточной части русско-датского округа почувствовали бывавшие на Мурмане иностранные подданные. Так, например, английский путешественник Уильям Барроу 23 июня 1576 г. на допросе, учинённом ему по поводу государственной принадлежности лапландских земель, сообщал английскому правительству: «Могущественный государь царь России есть верховный повелитель и правитель страны лопарей»²⁰.

Усиление русского влияния на территории общего округа вызвал сопротивление с датской стороны. После того, как с начала 1580-х гг. инструментом борьбы за лапландские земли Дания начинает рассматривать военную силу, лапландский вопрос превратился в серьёзную международную проблему. Датский король Фредерик II, реализуя свои претензии на восточную Лапландию как составную часть общих с Москвой владений, решил с чужеземных торговых судов, идущих на Мурман, собирать дань. Поскольку эта мера вызвала противодействие со стороны торговцев, король идет на более жёсткий шаг, приказывая своим подчинённым захватывать идущие на Мурман и с Мурмана чужестранные суда, причём

---

¹⁷ Русские акты. Ст. 205—206.

¹⁸ См.: Писцовые книги Русского Севера. М., 2001. С. 287.

¹⁹ Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т.I. № 221а; Там же. Т.II. № 139.

²⁰ Показания господина Уильяма Барроу на допросе // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 92.

делать это даже в Кольском заливе, «ибо Кола принадлежит настолько же Норвегии, насколько и России»²¹. Датская эскадра, контролировавшая в 1582 г. побережье Мурмана, награбила у заморских купцов всяких товаров на 50 тыс. рублей²². Фредерик II вскоре приказывает своим даньщикам, посылаемым на Кольский Север, собирать дань уже не только с лопарей, но и «с русских, карел... монастырей, деревень и всех поданных Лапландии», предлагая, правда, воздержаться от применения насилия²³. Датские власти, таким образом, к началу 1580-х годов, уже достаточно ясно выражали свои претензии на весь Кольский полуостров. При этом, если действия датской эскадры у берегов Мурмана были весьма успешными, то стремление датского правительства обложить данью русское население оказалось, по существу, безрезультатным²⁴.

В качестве мер противодействия правительство Ивана IV в 1582–1583 гг. вводит воеводское управление и строит острог в Коле. Согласно писцовой книге Алая Михалкова, в 1608 г. Кольский острог представлял собой укрепление четырехугольной формы, имевшее 6 башен. По данным И.Ф. Ушакова, общая длина стен вокруг острога равнялась 510 метрам, огороженная площадь — 1,6 гектара [20, с. 8].

Кольские воеводы стали проводниками политики Москвы. Известно, что первый кольский воевода боярин Аверкий Иванович Палицын ввёл на Мурмане русскую таможенную пошлину. Сменивший его М.Ф. Судимантов занимался сооружением Кольского острога.

Воеводы представляли на дальней северной окраине Русское государство, и поэтому правительство стремилось назначать на эту государеву должность представителей знатных родов, порой боярских и княжеских. В XVI–XVII вв. кольскими воеводами, например, были князь Г.Б. Васильчиков, Ф.Т. Оболенский, И.О. Щербатов, С.И. Шаховской, И.Г. Чертенский, бояре С.Ф. Благово, И.А. Годунов, В.О. Хитрово, А.В. Бутурлин, А.Т. Нащокин и др.

Воеводское управление распространялось на территорию, в которую входил весь Кольский полуостров (без Терского берега) и приграничная полоса от Баренцева моря до северной Карелии. Как свидетельствовал кольский воевода М.Ф. Судимантов в 1584 г., его власть распространяется не на всю Лапландию, а только на пять русских селений (волостей), в т.ч. Кереть, Кандалаксь (Кандалакшу), Пора-Губу (Порью Губу), Кауду (?) и Колу²⁵. Термин «Кольский уезд» для обозначения этой территории оформился несколько позднее, в XVII в.

---

²¹ Датский архив. № 441.

²² Русские акты. Ст.203, 204.

²³ Датский архив. № 445.

²⁴ Датский архив. № 449, 450, 452, 453.

²⁵ Датский архив. № 451.

Терский берег, несмотря на географическую принадлежность к Кольскому полуострову, не подчинялся Коле, а входил в Двинской уезд с центром в Холмогорах (на противоположном берегу Белого моря). Такое пространственное построение, очевидно, преследовало цель отделения спорного, приграничного участка от остальной территории, где московский суверенитет не подвергался сомнению.

Предпринятые Иваном IV военно-административные меры по укреплению русских позиций на Мурмане оказались эффективными. В течение трёх последующих десятилетий Дания не решалась шантажировать Московское государство локальными военными нападениями у лапландских берегов.

Произошедший в последние годы царствования Ивана IV рывок Российского государства на побережье Баренцева моря, по-видимому, был связан с внешнеполитической стратегией Москвы в Ливонской войне. И хотя основная борьба развернулась в Прибалтике, Кола могла рассматриваться Иваном IV как запасной выход России в Западную Европу.

Повышенный интерес первого русского царя к далёким лапландским землям, не встречающийся в государственной истории России ни до, ни длительное время после него, действительно, был феноменальным. Произошедшая своего рода идентификация Кольского Севера в рамках государственной стратегии XVI в. стала возможна во многом благодаря тому, что «к середине XVI в. резко снизилась автономность отдельных подсистем государства, выстроилась жесткая иерархия государственной структуры с политическим и инновационным центром в Москве» [12, Зеленева И.В., с. 58], а широтная стратегия, связанная с покорением Сибири, ещё не успела поглотить актуальные с первых веков русской истории меридиональные поиски. Отсутствие доступа Московского царства в Балтийское и Черное моря, при сохранявшемся стремлении к территориальному росту (причем фактически во всех направлениях) и внезапно возникшем осознании препятствий, стоявших на пути этого движения, «выдавливало» Москву на сравнительно свободный Север.

Третий этап: кризис (1584–1591 гг.)

Общая атмосфера после тяжёлой Ливонской войны, смерть Ивана Грозного и связанные с ней политические трансформации содействовали тому, что на *третьем этапе* (1584–1591 гг.) московское правительство решается на ослабление своих позиций на Мурмане.

Шаткость положения первым почувствовал кольский воевода М.Ф. Судимантов, который в 1584 г. крайне уклончиво сообщил датско-норвежским посланникам об истинных причинах постройки Кольского острога: говорил, что он поставлен для защиты якобы от морских

разбойников. От некоторых вопросов М.Ф. Судимантов и вовсе уклонился, сославшись на отсутствие указаний со стороны центральной власти²⁶.

Последовавшие за этим мероприятия московского правительства вошли в контрастное противоречие с тем политическим генезисом, который наблюдался на Мурмане с начала XVI в. С одной стороны, после того, как в 1585 г. международный торг был переведён с суровых берегов Мурманского берега («места убогого») в только что основанный город Архангельск, Мурман утратил значение русского «окна в Европу». В Коле разрешалось торговать с иностранцами только продуктами местных промыслов. С другой стороны, из Колы выводились все стрельцы, место стало безоружным²⁷ [2, Ушаков И.Ф., т.1, с. 90].

Переориентация торговли с Мурманна на Северную Двину не решила лапландской проблемы. Западный фактор продолжал оказывать своё влияние в Лапландии независимо от воли царя. В последней четверти XVI в. Швеция, находившаяся во враждебных отношениях и с Россией, и с Данией, стремилась включить Лапландию в сферу своего влияния. Шведский король Юхан III утвердил план его захвата. В 1589 г. шведы совместно с финнами разорили многие селения на Кольском полуострове, в том числе полностью уничтожили Кандалакшу и Печенгский монастырь. Во время нападения на Колу в 1589 г., город, оставшийся без стрельцов, организовывал оборону самостоятельно, силами местных жителей. За это Фёдор Иванович освободил горожан на три года от всех повинностей и пошлин²⁸.

При сохранении русских позиций в самой Коле, населённой православными подданными, за её пределами ситуация контролировалась слабо. Когда датско-норвежские посланники предложили кольскому воеводе М.Ф. Судимантову встретиться в Вайда-Губе, тот отказался, предложив местом встречи Колу, сославшись на то, что в Вайда-Губе «на торговле королевским бы людям с русскими людьми браниться не велели»²⁹.

Пользуясь изменением баланса сил, Дания в 1591 г. резко повысила размер собираемой дани с восточных лопарей. Анализ опубликованной А.И. Андреевым и И.Н. Ульяновым «Росписи лопарских погостов» 1623–1624 гг. показывает, что если в 1580-е гг. датские сборщики должны были собирать с православных погостов восточной Лапландии дань в размере около 400 алтын ежегодно, что было в 6 раз меньше того, что планировали собрать в этих же погостах русские сборщики (около 2500 алтын), то с 1591 г. размер датской дани не только

²⁶ Датский архив. № 451.

²⁷ Русские акты. Ст. 213, 214, 236.

²⁸ Жалованная грамота царя Федора Ивановича жителям Колы от 8 апреля 1590 г. // Отечественные записки. СПб., 1829, ноябрь. Ч.90. С. 188–191.

²⁹ Русские акты. Ст. 210.

сравнялся с русской данью, но и несколько превысил её. Соразмерность государевой и королевской дани, собираемой в погостах терской и верхней лопи после 1591 г., подтверждает и приходная книга Новгородской четверти 1620/21 гг. В соответствии с ней, размер первой был равен 80 руб. 14 алтын (или 2678 алтын), размер второй — 78 руб. 18 алтын (или 2615 алтын)³⁰.

Податная политика Дании на территории восточной Лапландии с 1591 г. явно свидетельствовала о превращении дани в инструмент политического давления на Москву.

Четвёртый этап: возникновение рубежа (1591–1623 гг.)

Не только вернуть утраченные позиции на Кольском Севере, но и успешно разрешить лапландскую проблему московское правительство попыталось на *четвёртом этапе* (1591–1623 гг.).

В начале 90-х гг. XVI в. право на торговлю в Коле снова получили все купцы³¹, но падение значения этого населённого пункта как крупного торгового центра становилось неизбежным. Архангельск, будучи замерзающим портом, находившимся дальше от Западной Европы, выигрывал у Колы своей близостью к центру и более безопасными условиями жизни. Механизмом «прикрепления» купцов к Архангельску стала ликвидация торговых монополий, которыми на Двине некоторое время пользовались только англичане. Наряду с ними в Архангельске теперь можно было видеть датчан, голландцев и французов [21, Кизеветтер А.А., с. 171].

Но Кола укреплялась в административном отношении: сюда возвращались стрельцы, и переводился разрушенный шведами в 1589 г. Печенгский монастырь [22, Корольков Н.Ф., с. 30–32]. Это помогло отразить второй удар шведов на Колу летом 1591 г. Численность шведского войска достигала тогда 1200 человек. В ходе сражения у стен острога противник потерял 215 человек убитыми и ранеными [2, Ушаков И.Ф., т.1, с. 90–92]. В 1595 г. после многолетних войн между Россией и Швецией был заключён Тязвинский мирный договор, по которому среди прочих условий Швеция отказывалась от притязаний на Кольский полуостров.

Но их сохранила Дания, несмотря на то, что сама была вовлечена в борьбу со Швецией за влияние на Балтике и за право сбора дани с лопарей в Финмарке. Правда, столь трудные условия соперничества заставили нового датского короля Христиана IV, сменившего в

---

³⁰ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг.: Сб. документов / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1983. С. 318–319.

³¹ Русские акты. Ст. 246, 254.

1588 г. своего умершего отца Фредерика II, отказаться от военного давления на Россию, выбрав в качестве средства решения «лапландского спора» переговорный путь.

В пространных посланиях друг к другу каждая сторона пыталась доказать свои права на Лапландию. Датская сторона приводила в пример название *Мурманского* моря, которым омывался северный берег Кольского полуострова. На том основании, что «мурманами» русские называли норвежцев, доказывалась принадлежность моря и всей Лапландии к Норвегии³². В свою очередь, русская сторона опровергала эти доводы тем, что «Лопская земля вся исстари к нашей отчине в Новгородской земле, а взял ее войною... корелской державец, именем Валит»³³. В систему доказательств Москвы включалась и конфессиональная принадлежность местного населения: указывалось, что в восточной Лапландии живут православные лопари, здесь же находится Печенгский монастырь и церковь Бориса и Глеба³⁴.

Русские послы всячески стремились подчеркнуть, что, поскольку лапландский вопрос возник всего несколько лет назад и раньше никого не беспокоил, то, скорее всего, он надуман и не имеет под собой серьёзных оснований: «А государя вашего ни прадед, ни дед в прежних летех о той Лопской земле не говаривали и в нее не вступались»³⁵. Когда же датская сторона предложила обратиться к трудам историков (Самсон Грамматик и др.), чтобы, по всей видимости, задействовать аргументы эпохи первых договоров Норвегии и Новгорода, была озвучена позиция русской власти: «Нечего доказывать принадлежность Лапландии Норвегии ссылками на историков. Историки много пишут, но не всегда передают истину. Свидетельства живых людей имеют гораздо большее значение» [23, Форстен Г., с. 287]. В Коле для урегулирования территориального вопроса в 1595 и 1597 гг. намечалось проведение пограничных съездов, но они каждый раз срывались: не приезжали то русские послы, то датские³⁶.

В 1598 г. Борис Годунов выдвинул датской стороне претензии не только на Кольский полуостров, но и на часть Финмарка. Приближённые царя отвечали датским послам, что граница должна проходить по реке Ивгей, «от государя нашего Колского острогу болши тысячи верст», поэтому и опорный пункт Дании город Варгав «стоит на государя нашего отчиной земле на Лопской», вследствие чего царь «тот город разорити велел». При этом с установлением границы приближённые царя предлагали отменить двоеданничество лопарей³⁷.

---

³² Русские акты. Ст. 320.

³³ Русские акты. Ст. 383.

³⁴ Русские акты. Ст. 384, 385.

³⁵ Русские акты. Ст. 384.

³⁶ Датский архив. № 511, 512, 520, 521, 524.

³⁷ Русские акты. Ст. 323, 324, 326.

Изменение тактики русских властей привело и к изменению тактики датской. В 1599 г. эскадра Христиана IV прибыла в Колу, где король обратился к местным жителям с предложением принять датское подданство, но те отказались [2, Ушаков И.Ф., т.1, с. 95].

В 1601 г. в России начался сильный голод. Учитывая острую нехватку ресурсов у своего восточного соседа, Христиан IV решил подкупить Бориса Годунова, предложив ему за Лапландию 50 тысяч талеров, однако русский царь отказался, как отказался и от предложения Христиана IV разделить Лапландию таким образом, чтобы самая ценная, северная, приморская её часть, где развивалась торговля, отошла к Дании, а южная часть — к Московии³⁸.

Но даже после этого при датском дворе не теряли надежду и продолжали плести интриги. Христиан IV решил породниться с Борисом Годуновым, предложив женить своего брата Ганса на дочери русского царя Ксении. Этим браком король хотел прежде всего добиться приобретения Кольского полуострова, который невеста могла получить в качестве приданного. Принадлежавшему «к большому, хотя и не первостепенному боярству» [24, Ключевский В.О., с. 22], Борису Годунову идея династического брака не могла не нравиться. Ганс приехал в Россию, однако до переговоров дело так и не дошло, поскольку он внезапно скончался [23, Форстен Г., с. 288–295].

Тем временем в самой Лапландии события развивались по своему сценарию: «И со 110-го году Варгавские державцы государевых даньщиков в Кончанскую лопь... пропускать не учили. И со 110-го году Кольские воеводы Дацкого короля даньщиков в государевы в лопские погосты... не пропускают же»³⁹. Таким образом, в 1602 г. существовавшее столетиями двоеданничество лопарей на большей части территории Лапландии было упразднено. Дань, которую восточные лопари платили Датскому королевству, отныне стала поступать в московскую казну⁴⁰.

В условиях назревавшей Смуты в России Борис Годунов уже не мог продолжать с Христианом IV лапландский спор, всё внимание царя концентрировалось на внутренней политике. Сохранявшееся давление со стороны Дании всё же заставило правительство Б. Годунова заявить об уступке: в начале 1603 г. оно сняло свои претензии на Финмарк, предложив провести границу чуть западнее Печенгского монастыря. При этом местность, где находилась православная церковь Бориса и Глеба, передавалась Дании. Более детальное рассмотрение этого вопроса царь передоверил своим послам, которые отправились на переговоры с

³⁸ Датский архив. № 543, 573.

³⁹ Сборник материалов по истории Кольского полуострова... С. 55.

⁴⁰ Там же. С. 55–64; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М., 1955. С. 773.

датскими послами в Колу. Но пограничный съезд к конструктивным решениям не привел⁴¹ [23, Форстен Г., с. 297–298], на что, видимо, и рассчитывал Б. Годунов, желая сохранить в Лапландии статус-кво до установления в центре политической стабильности. Быстрая смена позиций и уступчивость московского правительства свидетельствовали о том, что закреплённый рубеж в Лапландии к началу XVII в. так и не появился.

К концу Смутного времени, когда в России началась шведская интервенция, её последствия ощутили и на Севере. В 1611 г. шведы напали на Кольский острог, но взять его не смогли, что и вынудило шведское правительство в очередной раз отказаться от притязаний на Кольский полуостров.

В 1611 г. Швеция начинает Кальмарскую войну с Данией, но её также проигрывает, отказываясь от притязаний на Финмарк. Это, в свою очередь, развязало руки Дании. Воспользовавшись внешнеполитическими обстоятельствами, Дании удалось на один год возобновить двоеданничество лопарей. В декабре 1611 г. кольский воевода М.Е. Викентьев пропустил в восточную Лапландию датского сборщика, и дань с лопарей была им собрана. Между тем пустить в свои владения русского сборщика датские власти отказались. В 1613 г. сменивший М.Е. Викентьева кольский воевода В.Т. Жемчужников отказался пустить сборщика дани из Дании⁴², после чего двоеданничество лопарей рухнуло уже окончательно. Тем самым, общий русско-датский округ перестал существовать.

Жившие на Кольском Севере лопари становились подданными Московского государства, что наглядно показано в «Росписи лопарским погостам». При этом наши подсчёты не подтверждают точку зрения В.Л. Державина, который, невнимательно изучив тот же источник, утверждает, что двоеданничество в восточной Лапландии сохранялось вплоть до 1624 г. [25, с. 117] В действительности, в «Росписи» говорится о том, что собиравшаяся в 10 из 14 православных погостов королевская дань начиная с 1613 г. поступала уже в царскую казну: «а со 121-го году и по 132-й год тое королевскую дань...емлют на государя». Поступление королевской дани в пользу московской казны также фиксирует приходная книга Новгородской четверти 1620/21 гг.: «С терской и с верхней лопи, с крещёных лопарей, дацкого короля дани збирают на государя»⁴³. Только жившая на северо-западной окраине Кольского Севера «кончанская лопь» Пазрецкого и Нявдемского погостов в 1624 г. продолжала «с великою нужею» платить дань и Датскому королевству, и Московскому государству. На особом положении находились лопари Мотовского и Печенгского погостов, бывшие во владении Печенгского монастыря. Ес-

⁴¹ Датский архив. № 613, 615.

⁴² Датский архив. № 656.

⁴³ Приходо-расходные книги московских приказов... С. 319.

ли первый перестал уплачивать дань датчанам ещё в 1602 г. (без возобновления в 1612 г.), то второй сохранял обязательства перед королевской казной и в 1624 г.⁴⁴

В ответ на ликвидацию двоеданничества, Христиан IV вновь активизировал борьбу за восточную Лапландию, причём на сей раз угрожая России применением силы. После того как Россия фактически отказалась от переговоров, датская эскадра в 1621–1623 гг. приступила к разбойным нападениям у берегов Мурмана. Поводом к нему послужило так называемое «дело Климента Блума».

В зиму 1619–1620 гг. в Коле был задержан руководитель датской торговой экспедиции Климент Блум, который без разрешения русского правительства торговал в Пустозерске, на Печоре, используя фальшивые деньги из низкопробного серебра по образцу русских монет. По возвращении из Пустозерска, на обратном пути, Блум решил остаться на зимовку в Коле, хотя было «не велено по государеву указу в Кольском остроге датским немцам зимовать». В Коле он навёл на себя подозрения тем, что называл Кольский острог «нашею и дацкого короля опчею землею»⁴⁵. После своего задержания Блум из Колы был отправлен на допрос в Архангельск. Русское правительство, не желая обострять отношения с Данией, выпустило Блума на свободу. Датчанин, спасаясь, возвратился в свою страну, оставив своё имущество на Русском Севере. Христиан IV воспринял эпизод с арестом Блума как личное оскорбление и направил на Мурман эскадру военных кораблей с формальным предлогом возместить понесённые датским торговцем убытки, а в действительности с целью взять реванш в борьбе за лапландские земли⁴⁶ [2, Ушаков И.Ф., т.1, с. 99–101]. В 1621–1623 гг. датский флот громил становища и захватывал суда, в результате чего экономическому состоянию Кольского Севера был нанесён большой урон: датчане привезли с собой разных товаров и ценностей, взятых на Мурмане, более чем на 50 тысяч рублей⁴⁷. На этом фоне весьма странным выглядит утверждение Ю. Комиссарова о том, что «в течение пяти столетий» отношения России и Дании «ни разу не отягощались вооружёнными столкновениями и конфликтами» [26, с. 93].

Датское нападение не сломило русских позиций в Лапландии. После Столбовского мира 1617 г. со Швецией Россия потеряла важнейшие для себя прибалтийские земли вместе с выходом в Балтийское море. В этих условиях русское правительство было вынуждено переориентировать свое внимание на контактную и торгово-экономическую роль Архангель-

---

⁴⁴ Сборник материалов по истории Кольского полуострова... С. 55–64.

⁴⁵ Русские акты. Ст. 549.

⁴⁶ Русские акты. Ст. 589–604.

⁴⁷ Русские акты. Ст. 590.

ска, Поморья, укреплять оборону северных берегов. В 1625 г., по указу царя Михаила Фёдоровича, гарнизон в Коле был увеличен до 500 стрельцов, а число пушек — до 54 [2, Ушаков И.Ф., т. 1, с. 101]. Это переводило лапландскую проблему в разряд серьёзных военных вопросов, заниматься которым Дания уже не решалась.

Заключение

Таким образом, наши рассуждения в свете представленной методологии позволили прийти к выводу, что с ликвидацией общего округа и отменой двоеданничества в 1602–1613 гг. Россия фактически обрела условную *рубежную полосу*, которая проходила по территории самых западных православных погостов — Нявдемскому и Пазрецкому (район реки Паз). Отныне эта полоса разделила территории сбора дани, территории подданства и владения. Следует сказать, что здесь до сих пор, уже более 400 лет, проходит граница, являющаяся, по точному наблюдению норвежского историка Й.-П. Нильсена, самой старой из ныне существующих границ России⁴⁸.

Однако до 1826 г. ни строгой демаркационной линии, ни тем более регулярной её охраны на лапландском рубеже не существовало. В порубежных погостах (Нявдемском, Пазрецком, Печенгском и др.) лопари по-прежнему продолжали нести двойное бремя податей, выплачивая дань России и Дании и выполняя роль своего рода международного буферного механизма.

Предположение Дж. Х. Линда о том, что территории «русского и норвежского оседлого населения» оставались неразделёнными до момента демаркации границы в 1826 г. [6, с. 142], кажется нам необоснованным в связи с тем, что понятие «разделение» здесь соединяется с понятием «демаркация», хотя это не одно и то же. В условиях северного климата и малолюдья местная ситуация была еще разряженной и не требовала проведения немедленных мер по «окрашиванию» самой линии лапландского рубежа. Наличия военного укрепления и крупного гарнизона в Коле, пусть даже и отстоящих от порубежной полосы более чем за 100 км, вполне хватало, чтобы обозначить принадлежность восточной Лапландии к Российскому государству. Главным подтверждением возникшего рубежа стало падение двоеданничества и разделение подданства.

Об этом свидетельствует традиция ежегодного приезда в Колу сборщика дани из Датского королевства, превратившаяся после отмены двоеданничества в миролюбивую церемонию. По описанию варангерского шульца Нильса Кнага, в конце XVII в. она выглядела так: прибывший в Колу даньщик, обращаясь к кольскому воеводе, говорил, что датский король

---

⁴⁸ Соседи на Крайнем Севере... С. 368.

поручил ему собрать дань с «поданных его королевского величества» в Кольской округе. Воевода отвечал, что, дескать, никакого приказания от русского царя он не получал и поэтому позволить собрать дань не может. Далее следовали угощения, тосты в честь правящих монархов, обмен подарками. Через несколько дней иностранцу предоставлялась упряжка оленьей, и он уезжал обратно в свою страну [27, Кааран А., с. 28–31]. Тем самым, рубежная полоса уже вполне определяла поведение датского подданного к востоку от Печенги.

Военные и дипломатические успехи Москвы в Лапландии вскоре получили признание в Западной Европе. На карте России, составленной в 1688 г. Г. Сансоном, Мурманское море названо *Московским* [28, Минкин А.А., с. 26–27].

Превращение Кольского Севера из фронта в окраину Российского государства представляло собой не одномоментный акт, как это порой преподносится в историографии, а стало результатом длительного процесса. Формирование рубежа Русского государства в Лапландии не было завершено в новгородский период. Только благодаря приданию политике Московского государства характера стратегии к 1613 г. удалось устранить двоеданничество лопарей и тем самым сформировать лапландский межгосударственный рубеж. Эта стратегия включала в себя приобщение восточных лопарей к русской вере и поощрение монастырской колонизации Кольского Севера, создание военного укрепления и учреждение воеводства в Коле, оказание дипломатического давления на Данию и военного сопротивления ей. Эти мероприятия позволили упрочить авторитет Московии в Северной Европе, обеспечить безопасность мурманских рыбных промыслов, сохранить морские коммуникации страны в период временной потери выхода в Балтийское море.

В то же время существование постоянной угрозы на Мурманском берегу не позволило развить здесь общерусский международный торг и со временем обусловило его перемещение к устью Северной Двины.

Заключая краткий обзор истории лапландского вопроса в политике Московского государства, вернёмся к началу статьи и заметим, что и первая точка зрения о появлении русского рубежа в Лапландии в древнерусский период, и вторая точка зрения, которая связывает это событие с более поздним временем (1826 г.), должны быть подвергнуты сомнению. Полагаем, что русский рубеж в Лапландии появился в начале XVII в. Дальнейшие исследования или подтвердят, или опровергнут эту позицию.

Литература

1. Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т.14. С. 38–61.

2. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. Мурманск: Кн. изд-во, 1997–1998. Т.1. 648 с.; Т.2. 368 с.; Т.3. 473 с.
3. Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. XXVI. С. 126–135.
4. Волков Н.Н. Российские саамы: Историко-этнографические очерки. Каутокейно СПб.: Кунсткамера; Саамский институт, 1996. 106 с.
5. Устюгов Н.В. Саамы (лопары) // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 771–775.
6. Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник: Сб. статей. СПб., 1997. № 6(16). С. 135–143.
7. Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. 450 с.
8. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2001. 390 с.
9. Попов А.И. Валит // Советское финноугроведение. Петрозаводск, 1949. Т. V. С. 132–138.
10. Сыченкова Е.В. Европейский Север России: реалии и перспективы международного сотрудничества. Мурманск: Фивеон, 1999. 128 с.
11. Бабурин С.Н. Территория государства: Правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1997. 480 с.
12. Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. 270 с.
13. Платонов С.Ф. Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск: Типо-лит. Мурманской ж.д., 1923. С. 1–10.
14. Лукин Ю.Ф. Новая архангельская летопись. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: САФУ, 2015. 324 с.
15. Шаскольский И.П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии: Путешествие Григория Истома // Путешествия и географические открытия в XV–XIX веках. М.-Л.: Наука, 1965. С. 7–30.
16. Фёдоров П.В. Центр и северная окраина Российского государства в XVI–XX вв.: динамика стратегических связей: Дис... д-ра ист. наук. Архангельск, 2009. 489 с.
17. Шаскольский И.П. О возникновении города Колы // Исторические записки: Сб. статей. М., 1962. Т. 71. С. 270–279.
18. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 594 с.
19. Филиппов А.М. Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. 1901. Т.1. Кн.3. С.295–311.
20. Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583–1854): Военно-исторический очерк. Мурманск: МГПИ, 1960. 48 с.
21. Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края европейской России в истории Русского государства // Русский Север в системе геополитических интересов России: Сб. статей. М.-Архангельск, 2002. С. 144–186.
22. Корольков Н.Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908. 162 с.
23. Форстен Г. Сношения Дании с Россией в царствование Христина IV // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. Апрель. С. 281–335.
24. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1988. Т.3. 416 с.
25. Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Научный мир, 2006. 144 с.
26. Комиссаров Ю. Безопасность и сотрудничество: Опыт Европейского Севера. М.: Международные отношения, 1989. 126 с.
27. Кааран А. Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 12. С. 21–31.
28. Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Кн. изд-во, 1976. 208 с.
29. Шаскольский И. П. О первоначальном названии Кольского полуострова // Известия ВГО. 1952. Т. 84, вып. 2. С. 201–204.

References

1. Shaskol'skij I.P. Dogovory Novgoroda s Norvegiej, *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1945. T.14. pp. 38–61.
2. Ushakov I.F. *Izbrannye proizvedenija*. V 3 t. Murmansk: Kn. izd-vo, 1997–1998. V.1. p. 648.; V.2. p. 368.; V.3. 473 p.
3. Vozgrin V.E., Shaskol'skij I.P., Shrader T.A. *Gramoty velikogo knjazja Vasilija III sbor-shhikam dani v Lopskoj zemle*, Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Saint Petersburg, 1998. T. XXVI. pp. 126–135.
4. Volkov N.N. *Rossijskie saamy: Istoriko-jetnograficheskie ocherki*. Kautokejno Saint Petersburg: Kunstkamera; Saamskij institut, 1996, 106 p.
5. Ustjugov N.V. Saamy (Iopari), *Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII c*, Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955. pp.771–775.
6. Lind Dzh. H. «Razgranichitel'naja gramota» i novgorodsko-norvezhskie dogovory 1251 i 1326 gg., *Novgorodskij istoricheskij sbornik: Sb. statej*. Saint Petersburg, 1997. № 6(16). pp.135–143.
7. Tiander K. *Poezdki skandinavov v Beloe more*. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorohodova, 1906. p. 450
8. Rybina E.A. *Torgovlja srednevekovogo Novgoroda: Istoriko-arheologicheskie ocherki*. Velikij Novgorod: Novgorodskij GU, 2001. 390 p.
9. Popov A.I. Valit , *Sovetskoe finnougrovedenie*, Petrozavodsk, 1949. T. V, pp. 132–138.
10. Sychenkova E.V. *Evropejskij Sever Rossii: realii i perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva*. Murmansk: Fiveon, 1999, 128 p.
11. Baburin S.N. *Territorija gosudarstva: Pravovye i geopoliticheskie problemy*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1997, 480 p.
12. Zeleneva I.V. *Geopolitika i geostrategija Rossii (XVIII – pervaja polovina XIX v.)*. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 270 p.
13. Platonov S.F. Nachalo russkih poselenij na Murmane, *Proizvoditel'nye sily rajona Murmanskoj zheleznoj dorogi*. Petrozavodsk: Tipo-lit. Murmanskoj zh.d., 1923. pp. 1–10.
14. Lukin Yu.F. *Novaja arhangel'skaja letopis'. 2-e izd., ispr. i dop.* Arkhangel'sk: SAFU, 2015, 324 p.
15. Shaskol'skij I.P. Ob odnom plavanii drevnerusskih morehodov vokrug Skandinavii: Puteshestvie Grigorija Istomy, *Puteshestvija i geograficheskie otkrytija v XV–XIX vekah*. Moscow-Leningrad.: Nauka, 1965. pp. 7–30.
16. Fedorov P.V. *Centr i severnaja okraina Rossijskogo gosudarstva v XVI–XX v.: dinamika strategicheskikh svjazej: Dis... d-ra ist. nauk*. Arhangel'sk, 2009. 489 p.
17. Shaskol'skij I.P. O vznikovenii goroda Koly, *Istoricheskie zapiski: Sb. statej*. Moscow, 1962. T. 71. pp. 270–279.
18. Sadikov P.A. *Ocherki po istorii oprichniny*, Moscow-Leningrad.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 594 p.
19. Filippov A.M. Russkie v Laplandii v XVI veke, *Literaturnyj vestnik*. 1901. V.1. B.3. pp. 295–311.
20. Ushakov I.F. *Kol'skij ostrog (1583–1854): Voенно-istoricheskij ocherk*. Murmansk: MGPI, 1960. 48 p.
21. Kizevetter A.A. Russkij Sever. Rol' Severnogo kraja evropejskoj Rossii v istorii Russkogo gosudarstva, *Russkij Sever v sisteme geopoliticheskikh interesov Rossii: Sb. statej*. Moscow-Arhangel'sk, 2002. pp. 144–186.
22. Korol'kov N.F. *Trifono-Pechengskij monastyr', osnovannyj prepodobnym Trifonom, prosvetitelem Ioparej, ego razorenje i vozobnovlenie*, Saint Petersburg, 1908. 162 p.
23. Forsten G. Snoshenija Danii s Rossiej v tsarstvovanie Hristina IV, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*, 1892. April', pp. 281–335.
24. Kljuchevskij V.O. Sochinenija. V 9 t, Moscow: Mysl', 1988. V. 3. 416 p.
25. Derzhavin V.L. *Severnij Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-evropejskih svjazej na Kol'skom poluostrove)*. Moscow: Nauchnyj mir, 2006, 144 p.
26. Komissarov Ju. *Bezopasnost' i sotrudnichestvo: Opyt Evropejskogo Severa*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1989, 126 p.
27. Kaaran A. Russko-norvezhskie otnoshenij, *Izvestija Arhangel'skogo obshhestva izuchenija Russkogo Severa*, 1910, № 12, pp. 21–31.
28. Minkin A.A. *Toponimy Murmana*. Murmansk: Kn. izd-vo, 1976, 208 p.
29. Shaskol'skij I. P. O pervonachal'nom nazvanii Kol'skogo poluostrova, *Izvestija VGO*, 1952, T. 84, vyp. 2, pp. 201–204.